

Метаморфоза

Мощно строили в советскую эпоху. Музейный комплекс навис над могучей сибирской рекой подобно гигантскому мавзолею. Тот же стиль. Гигантское здание висело над набережной как неправильная, искаженная сознанием архитектора пирамида. Теперь таких музеев не строят. Их не строят вообще.

В девяностые в этом здании кипела жизнь. Музей был одним из центров культурной жизни областного сибирского города. Здесь соединялось и прошлое, и настоящее, и были попытки футуристов заглянуть в будущее.

Несмотря на то, что снаружи вид музея вызывал оторопь и придавливал своей мощью, внутри было очень уютно, тепло и необычно. Загадочные музейные закутки удивляли буйной фантазией оформителей. Руководил музеем очень прогрессивный и демократичный директор Михаил Палыч, который позволял воплощать в жизнь самые необычные выставочные фантазии.

Оттого здесь трудилось много творческой молодежи. Бурлило это творческое сообщество обычно в музейном кафе. Очень уютном, оформленном гобеленами ручной работы. Заведовала этим хозяйством обаятельная Мария, которая творила кулинарные чудеса. Любили это место и многие далекие от культуры люди.

Сергея занесло сюда случайно. Партнеры предложили отметить здесь выгодный контракт. Отобедали солидно и со вкусом. Сергей Сергеевич, так теперь его все величали, место это запомнил. Очень оно ему понравилось.

Жил он в небольшом провинциальном патриархальном городке, и в областном городе бывал лишь наездами. После ряда личных жизненных трагедий он бросил свое призвание художника и подался в бизнес. Хотя художником был талантливый. Забросив мольберт в дальний угол, Сергей покупал и продавал, создавал новые предприятия. Творчески подходил к деловой материи, и за короткий срок стал видным бизнесменом не только в своем городке, в областном городе его тоже уважали и старались завязать с ним дела.

Но переезжать в центр он не собирался, так как несказанно любил свой маленький деревянный городок. Года четыре назад, отучившись и обустроившись в Москве, Сергей вдруг бросил всё и вернулся на родину. Неожиданно как-то женился. Трудясь на художественном поприще, умел очень хорошо зарабатывать, не отказываясь оформлять квартиры состоятельных граждан, сочетая высокое живописное искусство с ремеслом. Родилась дочка. Всё шло хорошо.

Тряхнуло как раз в год путча. Произошли трагедии с близкими Сергеем людьми. Он сделал для них очень многое, влез в огромные долги. Не до творчества стало. Вот и вынужден был заняться делами. Долги все отдал. Личная ситуация стабилизировалась, но Сергей уже вкусил возможностей, которые дает предпринимательство. Верил свято в новое будущее России, пытаясь его создать.

Приехав в очередной раз в областной центр и решив множество вопросов, молодой предприниматель решил немножко расслабиться. Любил Сергей Сергеевич выпить красиво, со вкусом и чувством. В деловых кругах этим не злоупотреблял, а вне этого, с друзьями детства, художниками, позволял себе. За что творческий люд очень любил его. Ибо по большей части, художники - народ бедный. А Сережка – свой парень...

Дав указание водителю своего новенького «Форда-Скорпио», который тогда смотрелся на улицах дорого и солидно, Сергей Сергеевич подкатил к музейному комплексу. Была ранняя зима, шел пушистый сибирский снег.

Бизнесмен в дорогой дубленке и модной норковой шапке поднимался как-то торжественно по бессчетным ступенькам музея. Войдя в здание, разделся в гардеробе и медленно прошествовал по холлу в сторону кафе.

Выглядел Сергей Сергеевич очень солидно. Дорогой черный костюм и моднейший тогда цветастый галстук при высоком росте создавали образ человека мистического. Умные серые глаза смотрели на собеседника внимательно, проникая в глубины души.

Темные волосы зачесаны назад. Сергей всегда исповедовал свой собственный стиль в причёске, в одежде. И в нем всё было как-то нестандартно. Своеобразным человеком был Сергей Сергеевич.

Войдя в кафе, в котором в этот час было пусто, бизнесмен выбрал угловой столик. Хозяйка кафе, вкусно рассказывая о кулинарных достоинствах своей кухни, уговорила предпринимателя уставить весь стол яствами, а завершением этого натюрморта стал старинный штоф с хорошей водкой, который аж запотел от предвкушения, что его содержимое отведают истинный эстет и ценитель. Сергей Сергеевич был очень голоден.

Налив в хрустальную рюмку холодной водки, бизнесмен запрокинул её в себя, крякнув от удовольствия. А потом начал пробовать каждое блюдо, медленно смакуя. Обед-ужин проходил под хорошую классическую музыку в современной обработке. Предприниматель разглядывал гобелены. Он раздумывал о том, что неплохо было бы когда-нибудь украсить такими свой дом.

Выпив еще пару рюмочек, заскучал. Душа просила компании, а здесь он никого не знал. И предприниматель вышел прогуляться по холлу.

В центре холла в окружении стильно одетых девиц стоял молодой кудрявый мужчина, который вещал о тенденциях развития современного искусства. Сергей незаметно и тихо подошел к занятой компании. Кудрявый уверенно заявлял:

«Положим под стекло говно! Если зрителю это будет интересно, то это тоже искусство. Как бы это парадоксально вам не казалось. Классическое искусство медленно умирает. Современное искусство – это парадокс! И оно докажет своё право на жизнь, оттеснив слащавую живопись».

Сергей, отдавший живописи много лет, вздрогнул от таких слов и втянулся в дискуссию. Кудрявый оказался директором центра современного искусства, и звали его Вадимом. Вся компания галдела от столкновения двух мировоззрений на искусство.

И незаметно перекочевала за стол к Сергею. Заказали для девиц вина, которые трудились здесь искусствоведами и экскурсоводами.

Сергей Сергеевич и Вадим употребили водочки. Дискуссия продолжалась, потом перешла в анекдоты. Компания веселилась. Заглянувший в кафе директор музея даже бровью не повел, рабочий день подошел к концу. А какой же музей без богемы.

Потом попросили хозяйку кафе поставить танцевальную музыку, и Сергей Сергеевич пригласил соседку по столу – Ксюшу, которая, грациозно положив изящные ручки на плечи предпринимателя, танцевала с ним медленный танец. Она смотрела на него карими глазами как-то доверчиво и преданно. Тоненькая, курносенькая и такая наивная тронула размягченное водочкой сердце бизнесмена.

Сергей Сергеевич решил гульнуть серьезно. Взяв Ксюшу за тонкую кисть руки, вернулся к столу. Позвал хозяйку, заказал еще водки, вина и самых разных вкусовностей. Но одного стола не хватило, и придвинули второй. Выпивали, смеялись и танцевали. Сергею было хорошо. В своей родной среде. А Ксюша была посланной небом музой.

Сколько длилось застолье - Сергею Сергеевич не запомнил. Проснулся он от холода и заорал во всю глотку от ужаса. На него в темноте смотрел настоящий живой индеец. Весь в перьях.

На крик сбежались какие-то тетki в зеленой военной форме, которые оказались военизированной охраной музея, и Ксюша с хозяйкой кафе. Включили свет, со смехом успокаивали пьяного предпринимателя, что индеец лишь имитация. Стоял хохот.

Бывший художник с отключавшимся от водки сознанием решил просто с часик назад погулять по музею и заблудился, ибо залов в нем было не счесть. И уснул.

Компания погуляла еще и разбрелась. Ксюша ходила по музею и искала Сергея. Пока не раздался этот крик.

Сергей Сергеевич расплатился за обильный ужин, расцеловавшись с хозяйкой кафе, и пригласил Ксюшу, смотрящую на него снизу вверх невинными глазами, погулять по набережной.

Они гуляли, и пушистый белый снег продолжал падать. Целовались и падали со смехом в сугробы. Долго не могли расстаться. Замерзли и залезли в теплый Форд. Водитель с интересом наблюдал за шефом, таким он его не видел еще.

Довезли Ксюшу домой. Очень долго прощались и не могли расстаться. Но расстались все-таки. И Сергей Сергеевич уехал в свой любимый городок с деревянными купеческими домиками.

Сергей Сергеевич ушел в дела. Бывал два-три раза в областном городе, но в музей не заезжал. Крепился. Хотя думал о Ксюше каждый день. Ах, какая она тонкая, духовная. Ох, эти глаза, полные наивности и восторженности.

Жена же у предпринимателя была обычная без каких-либо талантов. Но верная и надежная, какими бывают лишь российские женщины. Сергей Сергеевич её уважал и ценил. Может быть даже любил, но не восторженно, а повседневно и пресно. А дочку любил без памяти.

Выбора перед бизнесменом не стояло. К семейной жизни он относился обстоятельно. Семья - это святое. А отношения и любовь – это другое. Поэтому и душевных мук не испытывал. Разные это материи.

Но в очередной раз, колеся по вечернему областному городу, оголодал и решил позволить себе ужин в приятном обществе.

В музейном кафе было несколько человек. В этот день проходила какая-то научная конференция. Разговоры за столами шли в основном о будущем науки. Это не вызвало интереса у Сергея Сергеевича, и он перестал прислушиваться. А заказал водочки в штофе и осетрину, запеченную в фольге. Принял стопочку, и на Сергея Сергеевича опустилась легкая благодать. Он разглядывал гобелены, удивляясь искусству мастера, сотворившего такое. Гобелены были плетеными. Предприниматель погрузился в размышления о том, что неплохо было бы организовать собратьев-художников в художественное предприятие.

Но его размышления прервала появившаяся напротив Ксюша с подругой. Сергей аж вздрогнул от неожиданности, что вызвало бурный восторг и смех. Ксюша вся светилась от радости встречи, глядя на предпринимателя своими карими глазами, в которых светилась какое-то неведомое еще ему чувство. Хотя за годы учебы и жизни в Москве повидал он многое.

Сергей Сергеевич быстрым распоряжением хозяйке кафе расширил возможности своего стола, на котором вмиг появилось хорошее французское вино и десерты. Попросил пересесть Ксюшу рядом с ним. Гладил её изящную руку. Заглядывал в её бездонные глаза.

Изредка и незаметно целовал в ушко. Прическа у неё была короткая, современная с падающей на лоб прядью. Кофточка на ней была с декольте, куда предприниматель изредка нырял взглядом, но деликатно отводил глаза, опасаясь быть замеченным.

Ужин удался. Сергей Сергеевич наливал себе холодной водки и с чувством закусывал груздями в сметане и осетриной. Время летело незаметно. Говорили об искусстве и о тонких духовных философских материях, так как к столу присел еще философ Гобский. У него в музее был магазин эзотерической литературы. Было интересно.

Предприниматель разок пытался вернуть в разговор что-то о деловой жизни, но это не вызвало ни малейшего интереса. Публика за столом была возвышенной, вопрос денег её мало интересовал.

- Отсутствие всяких принципов, - важно вещал Гобский, покручивая в пространстве вилкой с груздем и чуть не обрызгав разлетающейся сметаной девушек и дорогой серый костюм Сергея Сергеевича, - вот мой главный принцип жизни !...

- То есть, если я завалю твою жену на этом столе принародно и трахну, то это не нарушит твоих принципов, философ? – спросил бизнесмен.

- Фу, какой ты, бизнесмен, грубый человек. Если бы я не отвергал насилие как таковое, то дал бы тебе в рожу, - ответил Гобский.

- Ну, так отвергать насилие – это опять же – принцип?

- Не понимаешь ты, Сергей, философских сентенций, не понимаешь, режешь грубо и по-деловому, а я фигурально излагаю...

-Да, где уж нам, мы бабло куем, а не философствуем, - ответил Сергей Сергеевич.

Так и ужинали, перебирая философские принципы, тему будущего страны и переходя на анекдоты. Философ и бизнесмен пили водку, девушки вино. Хозяйка кафе предупредила,

что скоро кафе закрывается. Выпили еще по одной. Философ Гобский попрощался и, очень сильно покачиваясь, пошел из кафе, напевая: «Хаара, Кришна, хара, хара.....»

Пока Сергей прицеловывал Ксюшу, незаметно исчезла подруга.

У Сергея Сергеевича сознание плыло от водки, ему было хорошо. Он заплатил за ужин, и, взявшись за ксюшину руку и покачиваясь, пошел с ней куда-то. Они поблудили по бесчисленным залам музея и очутились в каком-то кабинете, где стояли три простых канцелярских стола, шкаф и вешалка, где висела шубка Ксюши.

Сергей Сергеевич, весь вечер крепившийся, чтоб не схватить Ксюшу в объятия, в кабинете не сдержался. Он обнял её, осыпал поцелуями шею, рукою лаская грудь. Бизнесмена было не остановить. Он гладил Ксюшу уже всюду. Она же, томно вздыхая, причитала:

- Какой ты, напористый, Сережа, какой неугомонный, что же ты со мною делаешь, я улетаю....

- Ксюша, я хочу тебя, ты такая нежная, тонкая, возвышенная. Но я хочу тебя здесь и сейчас, не останавливай меня....

- Сереженька, это невозможно, мы в кабинете, ой, что же ты делаешь, ой, я не могу, остановись, пожалуйста, это нехорошо... Ой, не останавливайся... Ну, милый, ну не нужно... Я не могу больше...

Бизнесмен положил Ксюшу на стол и, сняв с неё мешавшие ему колготки, взял её сзади с каким-то мужицким напором и силой. Хотя в близости всегда был нежен и ласков. Ксюша стонала и подвывала :

- Ой, милый, какой ты зверь, ну не нужно.... Не останавливайся, не останавливайся..... Ооооо, какой ты зверь....Аааа.....

Они достигли чувственных высот вместе. Сергей заревел звериным рыком, Ксюша издав протяжный воющий стон. Он в бессилии упал на неё. В дверь постучали: «Потише пожалуйста, это охрана, музей всё-таки...»

После этого они еще долго гуляли по набережной. Ксюша рассказала проходящему в нормальное состояние Сергею Сергеевичу о себе, что она закончила художественное училище, но бросила рисовать. Замужем за талантливым художником, у них дочь, которую воспитывает бабушка, а Ксюша забирает ее на выходные. Живут с мужем в съемной квартире, но он потерял к ней всякий сексуальный интерес. Ушел без остатка в искусство. А ей, тонкой и духовной натуре, без этого тяжело. Ведь это Эрос - высокое искусство физической любви. Даже повидавшему в Москве всяких чувственных утех

Сергею было интересно слушать такой чувственный и нежный рассказ, исстрадавшейся без близости двадцатилетней девушки.

Он довез её до дома. Опять долго не мог отпустить, но отпустил. И в нежной дреме покатил по ночной сибирской трассе с елями и соснами, заваленными снегом, отчего в свете фар ночных машин всё казалось инопланетным пейзажем.

Машина несла Сергея Сергеевича в его любимый городок к жене и дочери.

У Сергея Сергеевича начались большие неприятности. Он попал в поле зрения криминала, платить дань не захотел, а долго отбивался, но отбился, заручившись поддержкой очень влиятельного человека, который имел вес и в криминальных кругах. Только бизнесмен вздохнул с облегчением, собираясь навестить Ксюшу и любимое кафе, как на него лавиной наехала налоговая полиция. Эти не были такими сговорчивыми, как братва, и обложили бизнесмена со всех сторон. За полгода весь бизнес Сергея Сергеевича рухнул. Рухнула и вера в светлое будущее любимой страны и будущее дочери. Сергей Сергеевич ушел в длительный запой. Но водка лишь на миг отгоняла тяжкие мысли. Пил он долгих четыре месяца. За это время без скандалов и сцен ушла жена.

Проснувшись одним ранним утром, Сергей Сергеевич сказал себе: «Хватит» и автостопом уехал в областной центр. Поселился у приятеля-художника в общежитии института искусств. Перебивался разными посредническими мелкими сделками. Хватало на китайскую лапшу, иногда на большее. Но не до жиру было. Деловые партнеры руки протягивали при встрече, но не жали с чувством как ранее. Сергей тогда увидел обратную силу денег. Теперь его называли опять просто: «Сергей», без отчества. Продажна человечья природа.

В музей бизнесмен заходить боялся, кому он нужен – нищий-то. Занялся вечерами компьютерной графикой, приятель обучал его. Потихоньку боль и разочарование от жизненного падения стали отступать. Но денег по-прежнему не было.

На улице стояло жаркое сибирское лето. Сергей прогуливался по набережной, глядя на летающих чаек и реку, но обходя музей стороной и глядя на него с тоской и печалью. Но вдруг кто-то закрыл сзади его глаза нежными ладошками, что они нежные он почувствовал всем своим шестым чувством. Сердце упало в пятки. Сергей взял руки и повернулся к хозяйке этих рук.

Перед ним стояла сверкающая счастьем Ксюша. Она обняла Сергея, глаза у нее были мокрые. Она причитала: «Ну где же ты был, я тебя так ждала, так ждала...»

Они пошли в музейное кафе, которое вынесло свои столики на уличную террасу. Денег у Сергея было только на сок и кофе. И он боялся, что и на это может не хватить.

С трудом и кратко он рассказал Ксюше о своей жизненной драме. Но она сияла радостью, как радуга после дождя, заверяя Сергея, что деньги ей не важны, а важен он. Он пытался в это верить, но не удавалось.

После этого Сергей и Ксюша стали встречаться. Редко. Либо целуясь на улице, либо у ксюшиной подруги. Близость была такой же сумасшедшей. Ксюша не знала в этом вопросе никаких запретов. Рассказывала о своем муже-художнике Артуре, который стал ей совсем чужой. Денег совсем не дает. Сергей смотрел на неё с любопытством, так как впервые слышал от нее рассуждения о материальной стороне жизни. Но больше в её словах по-прежнему было возвышенных слов.

Однажды Ксюша сообщила, что её матери дали путевку в санаторий, но поедет она, Ксюша. Если бы Сергей смог к ней приехать туда, то было бы очень хорошо им вдвоем. Там красивые холмы, заросшие березами, и отдыхают одни пенсионеры.

У Сергея в этот момент не было денег даже на лапшу. Ксюша уехала в санаторий. Но тут ему удалось редкая мелкая сделка. Подумав, он тут же рванул на автовокзал и поехал в санаторий.

Место действительно было красивое, магнетическое своей нетронутостью и березовыми рощами. Стояли чудесные дни бабьего лета, Ксюша и Сергей гуляли, шурша листвою. Березы были всюду. Потом запирались в номере и под громкое музыкальное сопровождение из свежих альбомов «ДДТ» и «Агаты Кристи» занимались любовью. Сергей не знал усталости. Ксюша открыла ему все виды плотских утех. Свободной она была в этом вопросе. Полторы недели пролетели в один миг.

Он уехал раньше. Бросился в дела, деньги кончились. Вечерами осваивал компьютерную графику. Изредка они встречались. Ксюша однажды сообщила, что её матери дали квартиру. Как-то еще работало остаточное советское распределение. Он эту новость пропустил мимо ушей.

Сергей всерьез стал изучать вопросы эмиграции, в будущее этой страны и своё будущее здесь он более не верил. Месяца через три Ксюша повезла Сергея в новую квартиру, которая она очень художественно обставила и оформила. Они предались любви на большой белой кровати. Они лежали уставшие, и Ксюша спросила:

- Сережа, ты меня любишь?

- Наверное, да... Не знаю, но хочу тебя, это точно.

- Давай быть вместе, квартира есть...

- Вряд ли, у меня другие мысли и планы...

В мыслях Сергей знал, что не хочет соединять свою жизнь с Ксюшей, что-то непонятное в душе не давало ему сделать этот шаг. Так и забылся этот разговор. Точнее -ушел куда-то. Они изредка встречались. Так же бурно и со страстью соединяясь в клубок тел и чувств.

Однажды Сергей сидел в каком-то закутке музея и увидел Ксюшу, идущую с каким-то высоким сутулым мужчиной. Они что-то искали глазами, места уединенного им хотелось. И встали где-то рядом в таком же закутке. Сергей был в двусмысленной ситуации, опасаясь быть обнаруженным, он сидел и не знал что делать.

Ксюша на повышенных тонах говорила с мужчиной о деньгах. Сергей понял, что это муж Артур. Говорили они минут пятнадцать. Бывший бизнесмен слушал нечаянно подслушанный диалог и не мог поверить, что говорит его возлюбленная. Слишком уж твердой была ее речь. Но, поговорив, они ушли.

Это разговор оставил какое-то недоумение, но Сергей не придал ему значения. Мало ли какими мы бываем.

В тот же день они встретились, опять утонули в страсти и не могли расстаться. Ксюша была очень нежна и искусна в близости. Любила она телесные утехы. Его же стала тяготить её ненасытность. В последнее время он всё больше возвращался душою в искусство. И душа просила нравственных переживаний, а не телесных удовольствий. Расстались в этот раз как-то с надрывом.

Судьба Сергея совершила неожиданный зигзаг. Ему удалось нежданно крупная сделка, и одновременно он получил визу и вызов в США по одной из программ творческого обмена, куда его построил приятель-художник.

Сергей трижды забегал в музей, но не застал там Ксюшу. И уехал, не попрощавшись, в Москву поездом, а потом улетел в Нью-Йорк.

Прошло около десяти лет. Сначала он изредка звонил в музей. Но потом новые эмигрантские заботы поглотили Сергея. Первые два года ему было очень тяжело в Америке, но потом потихоньку всё сдвинулось с места, все чаще стали поступать заказы на его творчество. С компьютером он уже обращался запросто. Освоил множество программ. В итоге всё обустроилось. Не забывал он лишь жену с дочерью, скучал по ним. Зарабатывал всё больше и помогал им.

В итоге Сергей встал на новой родине на ноги. Был одинок. В Америке в женщинах не находил той женской душевности, которой так много было дома. И смирился с одиночеством, привык к нему и не собирался ничего менять.

Бывшая жена попросила дать ей развод, так как собралась замуж, и Сергей собрался приехать оформить это дело. Страх встречи с родиной пугал и манил одновременно. Но, собравшись с духом, он прилетел в областной город. После небоскребов Нью-Йорка все показалось микроскопическим и маленьким. Но любимый городок, куда он съездил попрощаться, наверное, навсегда тронул сердце Сергея своей неизменностью и патриархальностью. Когда-то его знали все жители, а сейчас всматривались в лицо, пытались что-то припомнить, и не могли. Давно это было. Давно....

Сергей стоял возле одной из сохранившихся церквушек и плакал. Он любил этот городок. Но нужно было попрощаться, возможно, навсегда. Он стоял, и слезы тихо бежали по щекам. И вспоминалась Ксюша, и песня «ДДТ»: «Родина, пусть кричат «Уродина», а она нам нравится, хоть и не красавица»....

Дела Сергей решил быстро, оформил развод и заехал в районный суд за судебным решением. Стояла зима. Он вышел из здания суда, держа в руках листок бумаги и читая важный вердикт, где было сказано, что теперь он де-юре свободный человек. Он шел, пытаясь поймать ощущения, которые в данный момент на него нахлынули.

По снежному тротуару на него надвигалась толстая женщина в дубленке, которая ткнулась в него взглядом. Легкий ток пробежал по сердцу Сергея. Он всмотрелся в полное лицо женщины. Какой-то знакомый до боли голос спросил его: «Ну, хули смотришь, не узнал?»

Второй, более сильный удар тока застал Сергея врасплох, ноги подогнулись. Дух перехватило.... Ксюша!...

А женщина изрыгала из себя обильно смазанную матами речь, о козле-муже, который не хотел разводиться. Как она его раздела, понимаешь, по суду, будет знать, как не делиться, козёл вонючий. Теперь она будет с деньгами, а он, засранец, пусть сгниет на панели.

Остолбневший Сергей стоял не в силах произнести ни слова. Ксюша увесисто ткнула его кулаком в бок. Сказав: «Бывай», тяжелой походкой с одышкой поковыляла к зданию суда. Он еще минут десять стоял, пытаясь осознать встречу. А потом произнес: «Вот это метаморфоза, однако»...

Поймал частного и поехал в музей, пытаясь все это пропустить через сито воспоминаний. Его тянуло в музей, он должен был там найти какой-то ответ.

Кафе было тем же, но исчезли былой изыск и уют. Хозяйка была другая, неприветливая, гобелены как-то выцвели и поблекли. Сергей сел за любимый угловой столик, где бывал так счастлив. Заказал рюмку водки и соленый огурец. Выпил и погрузился в воспоминания. Сидел, размышляя, ничего не видя перед собою, и курил сигарету за сигаретой.

От размышлений его оторвал нежный девичий голосок: « Можно нарушить ваше задумчивое одиночество?» На него смотрели васильковые девичьи глаза, над вздернутым носиком в которых читались любопытство и интерес: «Вы где летаете? Меня Ксюшей зовут...